

На следующий день.

Ещё на уроках истории я слышал, что древние правители вставали ни свет ни заря. Император должен был подняться в час Мао — то есть между пятью и семью часами утра по нашему времени, — чтобы начать утренний приём. Сановникам везло ещё меньше: они дожидались аудиенции у ворот Умэнь уже в час Инь, примерно с трёх до пяти утра. Рабочий день начинался в глубокой предрассветной тьме и порой затягивался до полуночи. На этом фоне современный график «с девяти до пяти» кажется сущим курортом.

Привыкнув к вольной жизни, сегодня я тоже был вынужден поднять себя с постели в час Мао, чем неслабо перепугал слуг. Закончив с умыванием, я перерыл шкаф с нарядными одеждами и выбрал халат из чёрной парчи, украшенный рельефным цветочным узором. Его дополняли золотистый пояс, расшитый пышными бутонами, и изящная подвеска из безупречного белого нефрита. Волосы я перехватил золотой лентой с таким же орнаментом. Набросив тяжёлый плащ из чёрного узорчатого шёлка, я в одиночку отправился на верховую прогулку к небольшому лесистому холму за высокими западными стенами дворца.

До рассвета было ещё далеко. В лесной чаще, скрытой ночным сумраком, я отыскал неприметную хижину и выстукал по дверным доскам условный сигнал: три длинных удара, один короткий.

Спустя мгновение в стене рядом с дверью открылось маленькое окошко. Я просунул туда золотую поясную бирку, и дверь немедленно распахнулась.

— Приветствуем Государственного наставника! Мы не знали о вашем прибытии и не встретили вас должным образом. Просим наказать нас за оплошность!

Я мельком взглянул на четверых мужчин, преклонивших колени.

— Поднимитесь. Мне нужно видеть Императора. Проведите меня во дворец немедленно.

— Слушаемся!

Вряд ли кому-то пришло бы в голову, что в заурядном лесном домике скрывается вход в потайной туннель, ведущий в самое сердце дворца. Подземный ход имел множество ответвлений: одни выводили в разные уголки императорской резиденции, а один вёл прямоком в опочивальню Его Величества. Путь в этих лабиринтах был крайне запутанным и кишел «Теневыми стражами» — личной охраной монарха. Четверо в хижине тоже принадлежали к их числу; без их сопровождения даже тот, кто случайно нашёл бы вход, не выбрался бы из туннелей живым.

В это время как раз шёл утренний приём. Я велел стражам отвести меня в императорский кабинет. Там я взял крошечный кактус, стоявший на подоконнике, и переставил его на письменный стол — это был мой знак. Затем, вновь нырнув в потайной ход, я добрался до маленькой комнатки при аптекарском складе.

Продолжительность совета никогда не была фиксированной: если дел много — затягивали, мало — заканчивали пораньше. После собрания Император обычно приглашал кого-то в кабинет для частной беседы. А комнатка у склада была моим обычным местом ожидания. Скинув плащ, я завалился на широкую кушетку, чтобы досмотреть сны — в обычные дни я в этот час ещё и не думал просыпаться.

Сквозь дремоту меня вырвал аппетитный аромат еды. Разомкнув веки, я увидел евнухов и служанок, которые бесшумно накрывали на стол, а у окна замерла высокая фигура в ярко-жёлтых одеждах. Я медленно сел и обнаружил, что укрыт толстым одеялом.

— Проснулся?

— Угу.

На столь непочтительный ответ он, наделённый высшей властью, даже не обратил внимания. Вместо этого он велел подать воды для умывания. Лишь приведя себя в порядок, я окончательно пришёл в чувство.

— Сначала поешь. Скоро полдень, а ты, небось, и не завтракал.

— Благодарю, Ваше Величество.

Отослав слуг, я без лишних церемоний принялся за трапезу. А ведь занятный он человек — этот Император. Я хоть и ношу титул Государственного наставника, официально об этом не объявлено, и я вовсе не незаменим. Более того, он явно не любитель мужской красоты — так с чего бы ему быть ко мне столь добрым?

Помню, когда он ещё был наследным принцем и мы встретились впервые, в его глазах читалась нескрываемая насмешка.

«И что может сделать эта девчонка?» — это были первые слова, которые он мне бросил. Разумеется, позже я доказал свою пользу делом и стал тайным ходом в его игре за престол. С тех пор он безгранично доверял мне и позволял почти всё. Виданное ли дело, чтобы правитель покорно ждал в сторонке, пока его подданный выпится и наестся, прежде чем спросить, зачем тот пожаловал?

— Сун Хуаймин вернулся. — После трапезы я, потягивая чай, наконец озвучил цель визита.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что он сейчас у меня дома.

Он пристально посмотрел на меня, словно пытаюсь прочесть мысли по лицу. У меня что, родинка на носу выросла?

— Говорит, Наставник прислал ему письмо с голубиной почтой, велел тайно вернуться. Но по пути на него напали, и он, спасаясь, по чистой случайности перемахнул через забор в мой сад.

— Письмо от Юйвэнь Му? Об этом я не слышал, — между его бровей пролегла едва заметная тень.

— У него полно тузов в рукаве, он всё-таки тот самый человек, который меня учил. Неудивительно, что он сумел связаться с Сун Хуаймином и девятым принцем в обход твоих ищеек.

— Да и ты у нас не промах, — усмехнулся он.

— Благодарю, Ваше Величество, — я иронично взглянул на него, вызвав у него тихий смешок.

— И что же ты намерен делать? Сун Хуаймин, полагаю, ещё не в курсе, но Наставник, скорее всего, уже догадался, что именно я вставляю ему палки в колёса.

— Девятый брат так просто не успокоится. Раньше Юйвэнь Му часто твердил покойному императору, что именно Чэньцзюнь — истинный избранник небес. Даже теперь, когда я на троне, они не отступятся.

— Истинный избранник, — холодно хмыкнул я. — Да что вообще такое это «веление небес»?

Он с интересом взглянул на меня:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что помогаешь мне только ради того, чтобы доказать, что судьба — пустой звук?

— Неужели я похож на бездельника?

— Кто тебя знает. Мне порой кажется, что ты всё делаешь наперекор Юйвэнь Му, — сказал он. — Все наставники испокон веков носили скромные белые одежды, а ты вырядился как чёрный павлин. Секретным знаком всегда была орхидея в кабинете, а тебе приспичило заменить её на кактус. Обычно наставники странствуют по стране, изучая нравы народа, а ты средь бела дня

открыл в Шэнцзине торговую лавку...

— Дунфан Вэйцзюнь! — не выдержав, я оборвал его по имени.

Он лишь вскинул руки, весело сощурившись:

— Наконец-то ты назвал меня по имени.

— Да что в нём хорошего... — я бессильно вздохнул. Он вечно настаивал, чтобы наедине я забывал о титулах, и сам в такие моменты переставал называть себя «Мы».

— Из твоих уст оно звучит особенно приятно.

Я промолчал. Подобные двусмысленные фразы он бросал так непринуждённо, что, не зная я о его равнодушии к мужчинам, решил бы, что он в меня влюбился.

— Если серьёзно, какие у тебя планы?

Я поставил чашку и заговорил уже по делу:

— Хочу пока придержать Сун Хуаймина у себя.

— Собираешься просить за него?

Я улыбнулся, поправив выбившуюся на глаза прядь волос:

— Просить — громко сказано. Скорее, я прошу Ваше Величество позволить вашему скромному слуге предаться одному маленькому развлечению.

— Ты даже в государственных делах умудряешься искать потеху, — рассмеялся он, но вдруг его взгляд упал на моё левое запястье. — Этот браслет...

Я взглянул на руку: от движения рукав соскользнул, обнажив подарок, который преподнёс мне Цзиньжунь на день рождения.

— Какая редкость! Ты носишь безделушку, которая не стоит и гроша? Ты же сам говорил, что облик торговца должен кричать о богатстве и вкусе, и любая вещь на тебе обязана стоить целое состояние. Откуда это у тебя?

— Ну, это... — я замялся, криво усмехнувшись.

Он, казалось, ждал объяснений, но я поспешно сменил тему, заговорив о пустяках, и он не стал настаивать.

Когда я вернулся в «Пристанище Феникса», уже начало смеркаться. Слуги доложили, что «гость с севера» желает меня видеть. Взглянув на небо, я распорядился накрыть стол и переделся в светло-жёлтый домашний халат. Когда гостя пригласили, небольшой частный ужин был уже готов.

Отослав прислугу, я остался с ним наедине. Он явно пришёл не просто так. После дежурных приветствий и пары глотков вина он перешёл к делу. Сегодня он снова был в глубоком трауре, а серебряная маска всё так же скрывала его лицо.

— Мне в руки попала одна вещица. Говорят, Владелец усадьбы Оу — большой знаток древностей в Шэнцзине, вот я и хотел просить вас взглянуть на неё.

— Почтенный гость мне льстит. Оу Сян лишь открыл пару ювелирных лавок да видел чуть больше диковинок, чем другие. На звание эксперта я не претендую.

Как же утомительно говорить так витиевато, особенно с этими книжниками. Но в наши дни, чтобы считаться успешным купцом, нужно прикидываться «учёным торговцем», сведущим в классике. Для меня, воспитанного на современном языке, это всегда было мукой.

— Владелец усадьбы Оу слишком скромничает.

Он протянул мне обтянутую парчой шкатулку. Открыв её, я увидел круглую нефритовую подвеску размером с чайную чашу, и я замер. Натуральный «кровавый нефрит» такой чистоты — невероятная редкость, а уж вырезанный из цельного куска подобного размера — и вовсе чудо. В моей базе данных значилось, что подобный камень хранится лишь в императорской сокровищнице Небесной династии; его добыли на плато Нада сто лет назад. Ходили слухи и о других образцах, но чаще всего это была подделка — нефрит, искусственно пропитанный кровью. Искусственный делали двумя способами: либо вкладывали в рот покойнику перед самым погребением, чтобы за тысячу лет трупная кровь пропитала камень до самой сердцевины, либо заталкивали в пасть псу, зашивали рот и закапывали животное заживо. Первый способ давал красивые, «одухотворённые» камни, но они несли на себе печать могилы. Второй же был полон злобы и не сулил владельцу ничего хорошего.

Но этот нефрит был природным. А значит, он каким-то образом покинул стены дворца. Я присмотрелся к работе. Техника «золото на нефрите» была настолько искусной, что даже в XXI веке считалась бы шедевром. Из золота высочайшей пробы на камне был выведен миниатюрный феникс, расправивший крылья, а его перья были усыпаны мельчайшими чистыми бриллиантами. Это меня по-настоящему поразило. Неужели в эту эпоху искусство огранки достигло таких высот? Даже лучшие мастера в моих лавках не смогли бы огранить алмазы в столь крошечные, идеально ровные крупы. Самые яркие перья были инкрустированы отборными сапфирами и изумрудами, а глаза птицы сверкали редчайшими чёрными бриллиантами. Столь невероятные материалы и ювелирная работа — таких вещей

даже в закромах императоров найдётся от силы пара штук.

— Совершенство! Истинное совершенство! — Забыв о напускной сдержанности, я не мог отвести взгляд от сокровища. — Почтенный гость, эта вещь стоит целого города!

В мире полно драгоценностей, которые называют бесценными. У каждого правителя припрятаны подобные безделушки. Я, имея доступ к дворцу и владея лавками, видел немало шедевров. Но зачем он принёс это мне? Неужели... хочет подкупить? Но такая вещь — слишком дорогая цена за шпионаж в пользу Северной Вэй. Подкупать шпиона таким сокровищем — это уже за гранью...

— Владелец усадьбы, прошу вас, посмотрите на обратную сторону.

Ах, точно. От восторга я совсем забыл про оборот. Обычно на нефритах, если они не резные с двух сторон, сзади вырезают каллиграфию. Или здесь тоже узор?

Я перевернул подвеску и замер. Не оттого, что там был какой-то невероятный орнамент — напротив, оборот был предельно прост. На гладком камне были вырезаны всего четыре иероглифа. Но именно они заставили моё сердце пропустить удар:

«Оуян Сянфэн».

Я почувствовал, как кровь отливает от лица, но из последних сил старался не выдать волнения. По телу пробежал озноб, руки начали мелко дрожать.

— Что скажет Владелец усадьбы?

Кое-как совладав с голосом, я поднял взгляд и осторожно уложил подвеску обратно в шкатулку.

— Натуральный кровавый нефрит — достояние императорской семьи Небесной династии. Сто тридцать лет назад племена Нада нашли на плато глыбу размером в три локтя и поднесли её государю. Это было сокровище, которому не было равных под небесами. На восьмом году эры Юнтянь Западная Цзинь и Небесная династия заключили брачный союз. Принцесса Аннин, Симэнь Фэнцзяо, вышла замуж за маршала Оуяна. Среди свадебных даров был кусок кровавого нефрита. Раз на этой подвеске вырезано имя Оуян, полагаю, это она и есть.

— Верно, — глаза за прорезьями маски впились в меня тяжёлым, почти осязаемым взглядом. — Но знает ли почтенный Оу Сян, чьё имя носит эта вещь?

— У маршала Оуяна и принцессы Аннин на девятом году Юнтянь родился первенец, Оуян Сянтянь, ставший позже генералом. Спустя десять лет родился второй сын, которого назвали Оуян Сянфэн.

— Вы действительно на редкость осведомлены, — продолжал он свой допрос. — Но знаете ли вы, почему на столь драгоценном нефрите вырезали именно имя младшего сына?

— Мои познания здесь заканчиваются.

— Всё потому, что в час рождения Оуян Сянфэна небеса явили знамение. На рассвете алые облака сошлись в форме парящего феникса. Маршал и принцесса сочли это добрым знаком, дали сыну имя Сянфэн и велели лучшему ювелиру мира изготовить эту подвеску.

Я молча смотрел на него, и спустя долгую паузу произнёс:

— Знания Оу Сяна меркнут перед вашими. Вы описываете эти детали так, будто видели всё своими глазами. Я поражён.

— Пустяки. Но знаете ли вы, как эта вещь попала ко мне?

— Буду рад услышать.

— Когда семья Оуян была оклеветана Е Фэном, всех взрослых мужчин казнили, а женщин и детей отправили в ссылку. Имущество было конфисковано в казну. Но этой подвески не оказалось в списках. Знаете почему? Потому что в тот день её не было в доме. Она была при человеке, которого должны были казнить на площади, но которого заменили тенью и тайно вывезли из города.

Я чувствовал, как ледяной холод пропитывает мои кости. Взгляд невольно метнулся в сторону, я боялся смотреть ему в глаза. Казнь на площади... замена тенью... Возраст — около тридцати... Траур круглый год... Посланник Северной Вэй с повадками южанина... Благородная выправка... Уцелевший отпрыск великого рода...

В голове воцарился хаос. В комнате стало так тихо, что я слышал собственное прерывистое дыхание. Вдруг раздался тихий стук. Краем глаза я увидел, что серебряная маска, всегда плотно прилежавшая к его лицу, теперь лежит на столе.

— Фэн-эр, посмотри на меня.

Его голос был нежным, как весенний ветерок, но от смысла этих слов меня прошиб холодный пот. Нет... спокойно... это ловушка... Кто-то разнюхал моё прошлое и пытается вывести меня на чистую воду...

— Фэн-эр, почему ты не смотришь?

Эта скорбь в голосе — она ведь наигранная? Эта печаль — плод долгих тренировок?.. Я не

попадусь на этот крючок... Этого просто не может быть...

— Фэн-эр!!

Меня рывком подняли со стула. Могучая хватка заставила меня встретиться взглядом с лицом, которое доселе скрывалось под маской.

Память этого тела досталась мне не полностью, но в момент перехода я увидел то, что выжглось в душе юного Оуян Сянфэна навсегда — ту катастрофу и лица родных людей.

Скорбное выражение ничуть не портило этого мужественного лица. Резкие брови, вразлёт уходящие к вискам, прямая переносица, полные бездонной печали глаза, чёрные, как сама ночь. Губы, побелевшие от волнения, и волевой, словно высеченный из камня профиль.

Я онемел. Словно во сне, я протянул правую руку и коснулся щеки человека, который так часто отсутствовал из-за походов, но чей облик навечно остался в памяти. Это не была маска, не было здесь и грима. Могут ли два человека на свете быть настолько похожими?

Сердце колотилось так, словно хотело пробить рёбра. Дышать становилось всё труднее, воздух застревал в горле. Зрение помутилось, мир начал стремительно чернеть, а в ушах стоял отчаянный крик, звавший кого-то по имени. В последний миг, прежде чем сознание окончательно угасло, в голове промелькнула насмешливая мысль:

«И вот так просто в обморок? Ну и слабак же ты...»

<http://bllate.org/book/17477/1694997>